

А · Н · Н · А

Никто не спасся.
Ни один не дожид
до рассвета

МАТВЕЕВА

Перевал Дятлова, или Тайна девяти

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Эксклюзивная новая классика

Анна Александровна Матвеева

Перевал Дятлова, или Тайна девяти

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5004484

Перевал Дятлова, или Тайна девяти : роман / Анна Матвеева ; предисл.

А.В. Иванова.: АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-102555-7

Аннотация

Анна Матвеева – известный прозаик, уроженка Екатеринбурга. Автор романов «Завидное чувство Веры Стениной» и «Есть!», сборников рассказов «Подожди, я умру – и приду», «Девять девяностых», «Лолотта и другие парижские истории», «Горожане». Финалист премий «Большая книга», «Национальный бестселлер».

«Тайна перевала Дятлова» – трагическая и до сих пор не разгаданная история о таинственном происшествии, случившемся в хмурых, полных мистики горах Северного Урала. Зимой 1959-го группа студентов отправилась в поход и... пропала. Их искали долго, а когда нашли погибшими – загадок только прибавилось.

«На одном из ночлегов, уже в темноте, стряслось что-то страшное... Они вспороли палатку, выбежали на мороз кто

одетый, а кто в носках и помчались вниз по склону, унося раненых друзей... Никто не спасся. Ни один не дожил до рассвета. Но все, кто остался в сознании, боролись как львы. И мертвые снега сохранили “динамические” позы людей, ползущих к брошенной палатке...»

Алексей Иванов

Содержание

«Мы ищем то, что тревожит нашу совесть»	5
От автора	10
Часть первая	13
1.	16
2.	20
3.	25
4.	32
5.	38
6.	41
7.	52
8.	56
9.	67
10.	78
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Анна Матвеева

Перевал Дятлова, или Тайна девяти

«Мы ищем то, что тревожит нашу совесть»

Наверное, это самая странная история, что приключилась на Урале в XX веке.

В феврале 1959 года группа студентов Уральского политеха прошла через перевалы невысокого, но сурового Северного Урала маршрутом высшей категории сложности. Студентов вел их товарищ Игорь Дятлов. В группе находились две девушки. Путешествие проходило спокойно, по графику: ребята были профессионалами. И вдруг – катастрофа. На одном из ночлегов вечером, уже в темноте, стряслось что-то настолько страшное, что испугались бывалые, закаленные путешественники, умевшие выживать хоть где с одним ножом.

Они вспороли палатку, бросили всё, выбежали на мороз кто одетый, а кто в носках, помчались вниз по склону, унося трех раненых друзей... Через несколько километров остано-

вились, пришли в себя и начали искать, как спастись – ночью, в стужу, без теплой одежды, без фонарей и топоров, с пострадавшими на руках...

Никто не спасся. Ни один не дожил до рассвета. Но все они, кто остался в сознании, боролись как львы – за себя и за других. И мертвые снега низкогорья сохранили «динамические позы» людей, ползущих к брошенной палатке.

Их искали долго. Искали с размахом – на вертолетах и отрядами лыжников. Их нашли. Тот перевал у Горы Мертвецов называли Перевалом Дятлова.

До сих пор не ясно, что же произошло той февральской ночью на далеком снежном перевале. Версий множество. Падение ракеты и нападение беглых эков, пьяная драка за девку и месть древних богов, испытание водородной бомбы и губительный крик ультразвука, рожденного завихрениями ветра в утесах. Но загадка причины многократно усилена персонами погибших: молодые, сильные, умные, решительные, опытные, дружные, честные. Элита строителей коммунизма.

Трагичность истории группы Игоря Дятлова, конечно, в гибели молодых людей, но драматичность – в том, что погибли именно ЭТИ ребята. В те времена они прошли бы отбор в отряд космонавтов, а сейчас – жесткий кастинг на какой-нибудь суперский телепроект, но судьба, как языческий тиран, оказывается, выбрала лучших юношей и девушек на заклятие Минотавру.

Несправедливо.

Ощущение несправедливости вот уже сорок лет поддерживается тем, что причина гибели неизвестна. Про Мино-тавра хотя бы понятно: зверь жрал. А какой зверь принял человеческую жертву на склонах Холат-Сяхла, Горы Мертвецов?

Ощущение несправедливости этой тайны – главный двигатель романа Анны Матвеевой. Разгадка разгадкой, но чаще всего разгадка и становится самоцелью. Ради ее достижения начинается конспирологический кордебалет, жонглирование фактами, акробатика соображений. Боль души вытесняется игрой ума. Впрочем, Анна Матвеева в постсоветские времена была ПЕРВОЙ, кто написал о дятловцах книгу, и она задала параметры расследования: «Мы ищем то, что тревожит нашу совесть». Приоритетом Матвеевой любители чудес пренебрегли, потому что ими двигало только кровавое и простодушное любопытство.

Анна Матвеева находит разгадку тайны. Как же без этого. Но параллельно работе с документами Матвеева выстраивает другой сюжет. «Следствие» ведет главная героиня – молодая женщина, которая волей обстоятельств занялась и увлеклась историей группы Дятлова. На дворе – «лихие девяностые». А героине дискомфортно не от безденежья, а от душной казенной секретности дела Дятлова.

Жизнь героини дала болезненный сбой: бросил любимый человек, спутался с подругой. Но парень понял, что со-

вершил ошибку. И начал потихоньку завязывать неразумно разорванные ниточки, начал восстанавливать отношения. В книге Матвеевой одновременно и как-то взаимозависимо налаживается судьба героини – и снимаются плесневелые покровы тайны с гибели группы Дятлова.

Зачем так нужно Анне Матвеевой?

Роман – не документальный очерк. Сборник документов – для любителей, роман – для всех. И роману требуется сопереживание читателя факту, точнее, документу. Усаживая свою героиню за «дятловские» архивы, Матвеева добивается того, что для читателя история дятловцев становится частью судьбы героини. Сопереживая героине, читатель сопереживает и дятловцам: сочувствие ведет себя подобно эху. Простота этого литературного приема и делает его сложным.

И, конечно, контраст двух составляющих романа – историй дятловцев и героини. Двусоставность и есть дистанция, создающая стереоэффект, который необходим для осмысления события. Трагедия дятловцев – достояние истории, а их драма актуальна и ныне. Контраст позволяет увидеть этот неочевидный, но очень важный смысл драмы. Матвеева переводит трагедию в драму, потому что так правильнее. В трагедии клянутся, в драме плачут; в трагедии сжимаются кулаки, в драме болит сердце; трагедия – сейчас, драма – всегда.

В конце концов, трагедия – она для тех девятерых, что в далеком 1959 году ушли в хмурые и мистические горы Северного Урала, ничего не зная о своей судьбе. А драма – она

для тех, кому до сих пор жалко ушедших.

Алексей Иванов

От автора

Событие, о котором идет речь в этой книге, подлинное. Всё произошло на самом деле. Загадочная гибель девятиерых туристов потрясла Свердловск, хотя за пределами города в 1959 году о ней мало кто знал. Военные ведомства и партийное руководство взяли всё под свой контроль. Однако эта трагедия не переставала волновать людей.

Окруженная тайнами, она и теперь не дает покоя даже тем, кто далек от туризма и никогда в жизни не бывал на Урале. С тех пор как мой роман был опубликован впервые (вы держите в руках третье издание, а если считать журнал – то четвертое), появились новые исследования, книги, фильмы. Иногда мне кажется, что общий интерес к дятловцам чрезмерен, что души погибших молодых людей давно пора оставить в покое... Я даже чувствую некоторую свою вину в том, что трагедия на перевале превратилась в «праздник общей беды». Увы, истина по-прежнему не установлена, дело «не закрыто», и нельзя сказать – да, теперь мы знаем правду, всё ясно, покойтесь с миром.

В своей книге мне хотелось показать историю 1959 года глазами человека, переживающего эту трагедию через многие годы. Передо мной не стояла цель раскрыть страшную тайну Горы Мертвецов – эта цель стоит перед вами, дорогой читатель, а я лишь старалась сделать всё, чтобы облегчить

решение этой задачи.

Документы, приведенные в книге, воспроизводятся по оригиналу, иногда с небольшими сокращениями. Современные герои – вымышлены, хотя у некоторых есть прототипы.

Людам, у которых есть личный опыт поиска, память общения с погибшими, собственные версии, приношу глубокую благодарность за преданность дружбе и стремление восстановить справедливость, а также извинения в том случае, если наши мнения расходятся.

И еще. Я должна предупредить вас – это по-настоящему страшное чтение. Я ничего не нагнетала – в этом не было нужды. Сама история группы Дятлова неподдельно страшна. Некоторые люди признавались мне, что в стремлении приблизиться к разгадке тайны они так увлекались, что не сразу понимали – с ними начинают происходить странные события. Никакой мистики – возможно, это всего лишь совпадение.

Для читателей, которых интересуют только документальные сведения, в романе проложен специальный маршрут: *избегайте основного шрифта*.

Анна Матвеева

*Благодарю за помощь в работе над романом
автора нескольких версий Алексея Коськина,
хранительницу архивов Елену Коськину,
а также:
Иннокентия В. Шеремета,
Влада Некрасова,*

*профессора А.К.Матвеева,
Татьяну Дятлову-Перминову,
Игоря и Светлану Дубининых,
Егора Неволлина,
Марию Будицу и всех, кому дорога память о
туристах из группы Дятлова.*

Посвящается девяти

Говорящий не знает, а знающий не говорит

Часть первая

При дневном свете

и солнечном дне

1999 год

В моей квартире очень холодно.

На внутреннем термометре – плюс одиннадцать. Воображение требует медвежьих шкур, грубых рук, ломающих непропеченные кости у костра – и чтобы блики пламени путешествовали по бороатым лицам. Непременно.

Середина ноября, началась традиционная уральская забава – битва за согревание. До марта буду пинками поднимать себя в студеноую утреннюю жизнь. Кот мягко запрыгивает на подоконник и рассматривает что-то ему одному видимое-ведомое за окном, где черный воздух и капустный хруст снега.

Я не борюсь с холодом в моей квартире, я не жалуясь: нет смысла. Будут говорить, что у нас мэр-ворюга, и теперь мне холодно оттого, что ему, подлецу, тепло. Еще мне расскажут, что новые дома редко бывают теплыми, а мой дом – новый, ему всего лишь пять лет. И батареи здесь неправильные, и окна такие, что утеплить нельзя.

Спасаюсь искусственным теплом обогревателя, бессчетными кружками чая и жду весны.

И можно жить, и можно ждать, вот только в последнее время всё чаще показывают мне, как фильм, один и тот же сон. Высокие плотные сугробы, черные ели, тощие кривые березки. И летит ко мне, в предпоследний год тысячелетия, свист смертельного, убивающего ветра и как тихий подголо-сок ему – тяжелое дыхание замерзающего человека. Снежные крошки на красном лице. Несгибающиеся ладони. Закрытые глаза.

Вечером я проверяю, хорошо ли заперто. В такое время живем, что засовы и решетки – лучшие друзья. Я тихонько дергаю за дверную ручку, а потом – на всякий – смотрю в «глазок».

Там стоят люди – тихо, не шевелясь. Маленькое стеклышко «глазка» искажает их лица, но я вижу, что они улыбаются. Две девушки и несколько мужчин. Все в лыжных брюках и штормовках.

– Вы к кому? – спрашиваю.

Они молчат.

Я замечаю лыжи, приставленные к стене.

Куда понесло их – в лыжный поход по такой погоде? Ненормальные.

Кот вьется возле моих ног, будто бабочка. На площадке – пусто.

Открываю дверь.

Слышится вежливый запах папирос, и снег лежит у коврика.

1.

Утром в дверь начали колотить с такой силой, как будто забивали ее гвоздями. Со мной внутри. Глянув на часы – полвосьмого, гады! – выпрыгнула из теплого одеяльного убежища.

– Аня, открывай скорее!

Это я услышала еще на подлете к двери, с дополнением: плач, крики и прочие элементы коллективной паники, которая начисто изничтожает первоначальную злость разбуженного.

На площадке, где вчера были лыжники, стояла моя соседка Ира, и с ней еще какие-то люди.

– Аня, пусти позвонить, – умер Эмиль Сергеевич.

Ира всхлипнула и заговорила быстрее. Из ее рассказа я поняла немного – Ира всегда торопится в разговоре.

Пока она звонила по моему телефону в «скорую», милицию и похоронное бюро, я вышла на лестничную клетку и, пробравшись между соболезирующими спинами соседей, зашла в Ирину квартиру.

Ее свекор Эмиль Сергеевич лежал на полу, я споткнулась взглядом о неестественно прямые ноги в продранных на пальцах тапочках.

– Сердце, – сказал кто-то тихий за моей спиной.

То, что Эмиль Сергеевич болеет уже не первый год, я знала. Он был хорошим дедушкой, не очень и старым, насколько я понимаю, на пенсию вышел года четыре назад. Очень любил читать и постоянно одалживал у меня книги. Я, против обыкновения, давала их охотно: не люблю, когда до моих вещей дотрагиваются незнакомые руки. Эмиль Сергеевич был очень аккуратным и возвращал книжки неизменно завернутыми в «Литературку».

Умерший старик выглядел подтянутым и даже красивым – не таким, каким был при жизни.

Ира хлопнула дверью.

– Ань, ты чего, у тебя ведь квартира открытая! – И, снова увидев Эмиля Сергеевича: – Ой, что же теперь будет-то?

Ирины переживания можно понять. Свекор был единственной опорой для нее и ее маленького сына. Жили на его пенсию и приработок, сути которого я не знала.

– Ну ничего, – утерла слезы Ира, – зато умер легко.

«За что за то?» – подумалось мне.

Вслух я произнесла:

– Ира, мне очень-очень жаль. Я могу тебе как-то помочь?

Ира сказала, что спасибо, нет. Да и чем тут теперь поможешь?

На выходе я всё же решила спросить у нее:

– Понимаю, что это совсем некстати, но... ты не видела вчера ночью группу лыжников у нас на площадке?

Ира молча покачала головой и снова ушла в свое горе, как в глубокую нору.

На похороны Эмиля Сергеевича я не попала – пришлось лететь в Москву. Речь шла о моей книжке, так что пропустить встречу не следовало. Летела в самолете над заснеженной землей и представляла, как его опускают в могилу на Широкореченском кладбище. Рядом – надгробие сына, Ирино мужа, которого убили на улице пьяные подростки. На снегу возле подъезда – еловые веточки.

А когда я вернулась через четыре дня, прокляв всё и вся, потому что встреча была абсолютно дурацкой, роман в издательство брать не захотели – могли бы и по телефону, собаки, известить, – Иры в соседней квартире уже не было.

– Уехала к матери, в Серов, с мальчишкой вместе, – пояснила Надежда Георгиевна из девяносто пятой. – Сказала, что квартиру эту будет сдавать. Не знаю, Ань, кто сюда жить придет. И как только она не боится, там ведь и мебель оставила, и ковер...

Ковер и мебель у Иры просто никакие, но Надежда Георгиевна живет еще хуже, и ей сравнивать не с чем.

И холодно у Иры в квартире так же, как у меня. Но ведь у нее-то еще и ребенок!

Я отвернулась от Надежды Георгиевны, чтобы открыть наконец свою дверь, но старушка сказала:

– Аня, зайди-ка ко мне.

Прямо с сумкой – но вежливая! – зашла в обшарпанную девяносто пятую. Жуткий стариковский запах – вместе лекарства, старая кожа, бедная несытная пища, шерстяные носки, в которых ходили не один день.

Губы у Надежды Георгиевны, тем не менее, накрашены.

Протянула плотную папку, набитую бумагами, и два больших мятых конверта картонного цвета, прорванных по краю.

– Это Ирка тебе велела передать. Эмиль Сергеевич всё сидел с этими бумажками и говорил, что надо бы с Анной посоветоваться – она ведь литератор, но стеснялся. А теперь, Ирка говорит, эти бумажки только выкинуть, а тебе – вдруг сгодятся на что.

2.

Я зашла в окончательно выстуженную квартиру. Котишка на страшной скорости прилетел меня встречать, так что когти заскользили по паркету. Сделал «полицейский разворот» и сам испугался, прижал уши.

– Кормить тебя не забывали, Шуми? – Я бросила папки и конверты Эмиля Сергеевича в кресло и пошла в кухню, поставить чайник. Странно, чайники уже никто никуда не ставит, просто кнопку нажимают, а слово – осталось.

За спиной раздался хлопок и долгий шелест. Шумахер вспрыгнул на спинку кресла.

Содержимое папки и конвертов лежало на ковре словно еще один ковер. Бумаги, отпечатанные на старой машинке типа «Москва», документы, написанные под копирку разными почерками, ксерокопии географических карт и рисунков, газетные вырезки, отксеренные так, что посреди белоснежного листа томила крошечная заметка, фотографии скверного качества и толстая подшивка страниц в двести (это она так звучно хлопнула об пол).

Я подняла ее. Бледно-серая печать – еще одна ксерокопия. И явно неполная – многих страниц не хватает. После восьмой – сразу двадцать пятая.

ДЕЛО № __

прекращенное уголовное

О ГИБЕЛИ ТУРИСТОВ В РАЙОНЕ ГОРЫ ОТОРТЕН

начато... 1959 г.

закончено... 1959 г.

Я наугад (и, видимо, удачно) раскрыла папку.

Обстоятельства дела:

23 января 1959 года самостоятельная группа туристов в составе 10 человек отправилась в лыжный поход по маршруту Ивдель – Гора Отортен. От участка 2-й Северный в лыжный поход пошло 9 человек. 1 февраля 1959 года группа начала восхождение к горе Отортен и вечером разбила палатку у высоты 1079.

В ночь на 2 февраля при невыясненных обстоятельствах произошла гибель всех 9 человек¹.

Следующей в «Деле» была фотография лыжников, которые стояли перед моей дверью в прошлую пятницу. Две круглолицые девушки – брюнетка и блондинка, веселый парень в шляпе, еще один – с чуточку раскосыми глазами (мне такие нравятся – и глаза, и парни)... Но ведь прошло сорок лет! И если даже предположить, что я сошла с ума и мне всякое мерещится, непонятно, чего им, лыжникам, от меня надо? Я не турист и даже не любитель природы, мне никогда не приходилось жить в палатке или ходить на лыжах, и самое главное, мне всего тридцать, я не знала никого из этих

---

¹ В документах, радиограммах, дневниковых записях дятловцев сохранены орфография и пунктуация оригинала.

туристов. Не могла знать!

Снова (теперь уже с начала) открыла копию уголовного дела и стала читать всё по порядку.

**Прокуратура
Российской Советской
Федеративной Социалистической
Республики**

**Прокурору Свердловской области
Государственному советнику
юстиции 3-го класса —
тов. Клинову Н.
(лично)**

Возвращаю прекращенное уголовное дело о гибели туристов Дятлова и других.

Приложение: 1. Дело в 1 томе.

2. Альбом.

3. ЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖ²

Зам. прокурора РСФСР

Государственный советник юстиции

3-го класса

(Ураков)

Тут же шла надпись от руки, косо, как гордые писатели обычно подписывают свои книжки:

---

² Раньше так забивали строчки в отсутствие «штриха».

т. Роговой Ю.И.

по указанию Н.И.Клинова просьба хранить в секретном архиве,

пакет хранить в с/с производстве

11/VII 59 г.

Я все-таки решила выпить чаю. В конце концов, папки и эти странные бумаги от меня не убегут. Кроме того, надо было подумать о том, что же это за странные явления такие со мной происходят. Раньше помогала думать сигарета (на самом деле мешала, конечно же, – от курения тупеешь, это правда), теперь остался только чай.

И тут случилось следующее. В голове у меня начали крутиться шесть цифр. Как песня: восемь-пять-один-четыре-два-два. Крутились и крутились...

Цифры были разные – ни одна не повторялась в комбинации.

Индекс?

Код?

Пора лечиться?..

Зазвонил телефон.

Телефон!

Я взяла трубку – ошиблись номером. Спросили Евгению Ивановну.

Тогда подумала: восемь – это ведь межгород, не может быть такого номера...

Всё равно набрала, и радостный инфантильный голос от-

ветил:

– Поздравляю, вы первым дозвонились до радио «Ля бемоль»!

– Первой, – машинально поправила я. – И что теперь? Зачем я до вас дозвонилась?..

– Вы победили в нашем конкурсе и теперь должны подъехать за потрясающим призом!

Тут в трубке что-то зашипело, послышались дикие выкрики.

– Я вообще-то не хотела участвовать в вашем конкурсе.

Инфантильный голос засмеялся с явным недоверием.

– Записывайте адрес!

Я покорно взяла ручку. Рефлексирующий интеллигент, самой противно.

3.

Когда я долгое время не пишу, у меня развивается сильнейший словесный токсикоз. Слова прокисают внутри меня, как неостребованное молоко в грудях кормилицы. Я начинаю болеть и бредить удачными, как мне кажется, сравнениями. Токсикоз пропадает сразу же после того, как я получаю доступ к компьютеру, блокноту, на худой конец – к чьим-нибудь ушам (хотя в таком случае мировая литература недооценивается моих находок: я теряю интерес к тому, что рассказано). Нынче токсикоз обещал затянуться – мало того что в Москве всё не то, так и дома – галлюцинации, странные документы, еще и приз какой-то дурацкий!

Ладно хоть радиостанция эта вещала с соседней улицы – может, и неплохо прогуляться, хотя как же там холодно! Шумахер явно предсказывал скверную погоду – свернулся пушистым кренделем на диване и спрятал нос в лапки.

Иногда я жалею, что не родилась кошкой. Можно спать шестьдесят процентов жизни, и никто не назовет тебя туннельной. Кстати, люди, которые не любят кошек, всегда оказываются если не плохими, то уж во всяком случае не теми, с кем стоит общаться. Это я проверила на личном опыте. Зато у хороших людей всегда есть кошка или кот. Тоже проверено.

Я потрепала Шумахера по гривке и принялась одеваться.

Хорошо котам – всю жизнь в одной шубе!

На улице было явно теплее, чем дома. Тем не менее холодный воздух охотно забирался в рукава и под воротник, а застывшие снежинки били по лицу, словно толченное стекло, которое подсыпали в еду врагам древние отравители. Замерзнуть я не успела. Вот разве что нос.

– На радио «Ля бекар». Выиграла приз, – скупой отчиталась я седобровому охраннику, с любопытством изучавшему мой красный нос.

– Девушка, – укорил меня охранник, – радио называется «Ля бемоль». Бекар – совсем другое дело, это значит, что понижение отменили. Или повышение.

Он вздохнул так печально, словно отмена повышения оказалась его лично, потом черкнул что-то на листке бумаги и по-комсомольски указал на лифт:

– Не забудьте пропуск подписать!

Лифт ехал ко мне, скрежеща решетками и подвывая механизмами. Здание оказалось старым, работы трофейных немцев, и лифт – под стать, с надписями на двух языках – русском и немецком. Лифт по-немецки будет «едущий стул».

Почему «стул», если в нем стоят?..

Белая дверь, за которой обитали инфантильные голоса, оказалась закрыта на специальный кодовый замок. Естественно, кода я не знала – мне его никто не сказал. Я вздохнула и дернула за ручку. Тишина.

– У них обед.

На довоенном с виду стуле сидела худенькая девушка, похожая на умненькую лисичку. – Я Света, – сказала она. – Меня позвали получить приз, хотя я просто ошиблась номером. Звонила не сюда, а маме. Я отпинывалась, но они тут все такие настырные!

– Со мной то же самое. – Света подняла бровь, и я спохватилась: – Аня. Я пишу книжки.

Света улыбнулась и стала еще больше похожа на лисичку.

– Я как раз искала писателя, чтобы...

Тут она засмушалась.

– Чем ты занимаешься? – вежливо переключилась я. Света была из тех, кому сразу хочется говорить «ты». Таких людей очень мало. В основном мне встречаются их противоположности, которые настаивают на неформальном обращении. А мне оно дается с трудом – именно с ними. Я еще очень долго срываюсь на «вы», и противоположности обижаются.

– Я учусь, – сказала она. – На истфаке. Но это так, не главное... Я увлекаюсь... туризмом.

Пришлось сделать сложное лицо.

Я всю жизнь недолюбливаю туристов. Во-первых, мне непонятно, где они берут столько сил, чтобы ходить под грузом тяжелых рюкзаков на немыслимые расстояния, во-вторых, я не знаю, зачем им это надо: гораздо приятнее лежать под пледом с книжкой, котом и бутылкой красного сухого. А самое главное, я чувствую остро, как бумагой по пальцу,

что туристы тоже меня не поймут с моим ленивым образом жизни. Будут переглядываться и хмыкать.

К тому же мой папа – супертурист, начальник экспедиции, охотник и рыбак с сорокалетним стажем. И вот он брал меня в детстве с собой в лес. Я покорно проходила метров двести, после чего садилась в траву и начинала истошно вопить:

– Домо-ой! Говно-о!

К чему относилось последнее, непонятно, но мама говорит, что этому слову меня точно не учили. Папа страшно обижался.

Меня усаживали на пенек, давали книжку Успенского про гарантийных человечков и ветку – чтобы отмахиваться от комаров. Тогда я еще как-то терпела.

После двух-трех таких походов папа умыл руки и отказался от лесных общений со мной. Так и выросла я урбаноидом.

И вот теперь нарвалась на настоящую туристку, да она еще писателя ищет...

– Свет, а зачем тебе писатель? – Я въехала в разговор заново и уже на танке.

Света взяла себя в руки (всё же она была слишком застенчива) и начала:

– Сорок лет назад на севере Урала погибла туристическая группа. Группа Дятлова. Девять человек.

Тут дверь с кодовым замком открылась, и в проеме мы увидели улыбку.

– Здравствуйте, здравствуйте! – сказала улыбка. Дверь от-

крылась шире, и перед нами выросла высокая фигура уни-сексуального склада. Света тоже улыbnулась, а фигура (я честно не могла определить ее пол) развернулась в сторону кабинета и патетически воскликнула:

– Прибыли наши призеры!

Радийцы зашумели, а Света шепнула мне:

– Видимо, им совсем уж никто не звонит. Хорошо, что мы откликнулись, а то как-то жаль их. Все-таки работают люди.

Нас торжественно провели в комнату, и фигура (я отметила у нее легкую, почти красивую сутулость и уши, похожие красной сморщенностью на дольки сушеных яблок, – видимо, фигура несколько молодилась) плеснула в два стакана по щедрой порции коньяка.

– Я за рулем, извините, – отказалась Света.

– Оу! – обрадовалась фигура и залпом выпила коньяк. Я пригубила (точнее сказать, загубила) напиток: надеялась еще поработать сегодня.

Потом нам преподнесли два пластиковых пакетика с логотипом «Ля бемоля». В моем оказались кепочка, авторучка и два компакт-диска с адскими рожами на обложках. Что было у Светы, не знаю, но она всячески показывала свое удовольствие.

– Большое спасибо! – искренне благодарили мы, продвигаясь к двери. Фигура кричала нам вслед:

– Надеемся, что вы станете нашими постоянными слушателями!

– Мы же пропуск не подписали! – вспомнила Света уже на лестнице. – Надо бы вернуться, да неудобно как-то.

– Попробуем так прорваться. – Я решительно двинулась к знакомому лифту.

Охранник широко улыбнулся:

– Илья Петрович предупредил, что вы сейчас выйдете. Поздравляю!

– Илья Петрович, наверное, и есть та странная фигура, – сказала я.

Света удивилась:

– Я думала, оно – женщина.

Мы засмеялись, и мне показалось, что я знаю Свету давным-давно. Хотя, честно говоря, я с женщинами не дружу – столкнулась однажды с отборной дамской подлостью. Подруга красиво, как в шахматных этюдах Рашида Нежметдинова, увела у меня мужа. Это было, правда, красиво и легко – так, наверное, уводят чужих баранов в восточных странах.

Я успела только вскрикнуть вслед: е-два, е-четыре, и это больше напоминало вопль «Твою мать!». После этого я завязала и с одним полом, и с другим. Шумахер – мой единственный друг и соратник.

Света приготовилась сказать что-нибудь прощально-вежливое, я читала это на ее милом лисьем личике. Видимо, передумала, потому что прозвучало совсем другое:

– Садись, я тебя подвезу.

Я уселась в зеленую «восьмерку», и Света аккуратно выехала на улицу.

Через две минуты мы были у моего дома.

– Зайдешь? – спросила я неуверенно; тоже ведь страшно: незнакомого человека – и сразу к себе домой. Вадик, мой бывший муж, просто убил бы за такое. Ну и пусть убивает теперь свою-мою подругу, заслужила.

– Да, – сказала Света, – зайду. Вдруг ты и правда именно тот человек.

4.

Пока я открывала ключом дверь – под потустороннее, в прямом смысле слова, муравканье Шумахера – отворилась соседняя квартира, и на площадке появилась накрашенная Надежда Георгиевна. Она улыбнулась, так что стало видно красную помаду на зубах – это придавало старушке злобещий вид.

– По городу ходит ротавирусная инфекция, – вместо приветствия выдала Надежда Георгиевна. Все страшные новости немедленно поднимали ей настроение. А ротавирусную инфекцию я представила себе как призрак коммунизма. – Кишечный грипп! Берегитесь, девочки! В поликлиники города уже поступило четыре тысячи человек.

Из ее квартиры звучало приглушенное эхо теленовостей Шеремета.

– Спасибо, что предупредили, – поблагодарила я, и Света тоже кивнула.

Моя гостья не сказала ни слова про холод – хотя мне вчера вечером померещился иней на стенах. Шумахер сразу запрыгнул к Свете на руки, пока я варила кофе. Замурлыкал и уснул. Этот кот – тончайший (на самом деле он вполне упитанный, но здесь не о том) психолог, поэтому я окончательно расслабилась. Свете можно доверять, она не станет бить меня тефалью по голове, а потом рыскать по квартире в по-

исках сокровищ. Мой стылый труп в синяках и задранной дошей юбке не покажут в вечерних новостях.

– Хорошо! – вслух сказала я.

Света удивленно посмотрела на меня.

– Послушай, у тебя не бывало так, чтобы сны оживали или реальные события походили на сон?

Света молчала. Гладила Шумахера по спинке.

– Мне уже неделю снится один и тот же сон.

Я никому не могу его пересказать, в силу того, что общаюсь... ну, почти ни с кем я, честно говоря, и не общаюсь.

– А что снится? – спросила Света.

– Северная ночь, январь или февраль. Березы, елки, широкие горы. Каменные груды такие, не помню, как называются...

– Останцы.

– Точно! Потом – палатка, поставленная на склоне горы. Кедр – мощнее и выше других деревьев.

– А люди там есть, в твоём сне?

– Несколько человек. Ползут по сугробам, их сечет снегом. Они тяжело дышат, потом замирают, и тут я просыпаюсь.

Света сказала:

– Или ты врешь, и кто-то тебе всё рассказал, или это чудо! Я обиделась. Уж кем-кем, а вруней я точно не была.

– Не обижайся, – попросила Света, – просто твой сон уди-

вительно походит на то, что было в реальности. Я начала тебе рассказывать еще на радио – помнишь, погибшие дятловцы? Может быть, просто кто-то очень хочет, чтобы тебе снился именно этот сон?

Мы притихли, и вдруг Шумахер вцепился когтями Свете в ладонь. Она вскрикнула. А котик тем временем уже долетел до подоконника и начал носиться по нему, как лев по клетке. Надежда Георгиевна вывела гулять свою болонку – радость-то какая!

– Охотник недоделанный!..

Я побежала в кухню, где-то была зеленка. Или лучше йод?

А когда вернулась, Света держала в руке папку Эмиля Сергеевича. Ну вот, теперь я вообще кругом виновата!

– Да я просто не успела тебе рассказать!

Света смотрела недоверчиво.

– После этих снов со мной случилась и вовсе невероятная история. Они пришли ко мне домой. Ну, лыжники. И там потом был снег на площадке.

Теперь Светин взгляд стал тревожным.

– Понимаю, что это звучит ненормально, но они чего-то хотели от меня. А на другое утро умер мой сосед Эмиль Сергеевич.

– Эмиль Сергеевич Кац? – переспросила Света.

– Ты его знала?

– Он учился на одном курсе с Игорем Дятловым. Пытался расследовать причины их гибели самостоятельно. Несколько

лет отсидел – возможно, именно поэтому. Все думали, он забросил это дело.

– Его невестка отдала документы мне. Сказала, что он проводил за ними всё время. Там были фотографии, я и узнала тех лыжников. Потом эта встреча с тобой...

– Я посмотрю? – спросила Света.

– Конечно.

Ей уже надоело слушать мои оправдания. Шумахер напряженно разглядывал болонку за окном. Света листала папку. Я подбрасывала пузырек с йодом.

– У него есть интересные вещи. Если ты разрешишь мне скопировать эти бумаги, я дам тебе то, что насобираала сама. Уже десять лет собираю всё, что связано с дятловским делом. Документы. Свидетельства поисковиков. Воспоминания родителей. Фотоархивы. За эти десять лет дятловцы стали мне ближе самой дорогой родни, и я знаю про каждого всё.

Я не знаю только одного: что же все-таки произошло в ту ночь на перевале у горы Холат-Сяхыл? («Отортен?» – смутно припомнилось мне, но я промолчала), – на перевале, который теперь носит имя Игоря Дятлова и его группы... Чем больше проходит времени, тем больше рождается версий. Нужен человек, который напишет книгу об этом, и если ты, Аня, говоришь правду, а мне почему-то кажется, что ты не врешь, значит, этот человек – ты.

– Я сейчас вообще-то работаю над романом о школьной

любви... – виновато сказала я. Как объяснить Свете, что для этой своей книги я потратила два месяца на преподавание литературы в старших классах ближней к моему дому школы? И герои этого романа сейчас застыли в неподвижных позах – так, как я их оставила на листе бумаги... – Может быть, позже, месяцев через шесть? Мне интересно, но сейчас я не могу.

Света улыбнулась:

– Ребята ждали сорок лет, я – десять. Неужели не потерпим еще полгода? Пиши свой роман, потом примешься за наш.

– Наш? – ревниво спросила я. – Мы что, будем писать вместе?

– Нет, конечно!

– А как узнать, что вся эта история – не сон? – спросила я.

Она показала мне разодранную Шумахером руку.

На другой день Света принесла мне тряпичную красную сумку с надписью “*Marlboro*”, в которой лежали пластиковые и бумажные папки, картонные коробки с фотографиями, снимки в черных «проявочных» конвертах, маленькие записные книжки, видео– и аудиокассеты.

– Главное, не нарушай порядок. В каждом конверте всё разложено так, как надо. Начинай изучать.

Света ушла (на полгода, думалось мне), а я убрала сумку в шкаф – вместе с бумагами Эмиля Сергеевича, и села нако-

нец-то за компьютер.

Шумахер лег на коврик для мыши, и тут же уснул, убаю-
канный тихим шелестом клавиш.

5.

Долго и внимательно смотрела я в небесно-голубую гладь монитора, вспоминая те слова, что мучили меня изнутри. Три страницы про любовь написались легко, будто мне их продиктовали. Внятно, разборчиво – как детям в школе.

Я подняла руки вверх, чтобы отдохнуть. Посмотрела в окно. Потом – снова в монитор. Что-то привлекло мое внимание, и я вернулась к первой из написанных сегодня страниц.

Перечитала, как обычно, с отвращением к себе.

Плохо, чуть лучше, почти хорошо... Стоп, а это здесь откуда?

В текст «зашел» некий Игорь – крепкий, большеротый, с чуточку раскосыми глазами. Игорь, как было написано, «смотрел на нее внимательно, будто чего-то ожидая».

Я посмотрела на дрыхнувшего без задних лап Шумахера и потом еще раз в монитор.

Честное слово, никакого Игоря я не придумывала, в моем повествовании и так уже дышать нечем от персонажей.

Попробовала писать дальше, забыв про это странное явление. Просто выделила этот кусочек и нажала *delete*. Еще пять страниц готовы, молодец, теперь можно и чаю выпить.

На кухню пошли вместе с Шумахером, он вился красивыми восьмерками вокруг моих ног, будто расписывался в бесконечности своего голода. Пришлось отдать верному друж-

ку кусочек сырого мяса, который я планировала приготовить на ужин.

С кружкой чая в руке, теперь уже без Шумахера (он бегал с подаренным мясом по кухне, делая из него нехитрые стенные аппликации, потом соскребал их лапой и подбрасывал вверх, словно Майкл Джордан в свои лучшие годы), вернулась к монитору, где плавали красивые цветные рыбки. Шумахеру иногда нравилось на них смотреть.

Enter – и перечитать новый кусок. Героиня была на грани того, чтобы отдаться, наконец, герою, и я ему заранее по этому поводу сочувствовала. Но вместо этого прочитала подробный абзац про неких Зину и Люсю. «Зина, – говорилось во фрагменте, – довольно крупная брюнетка с большими карими глазами, а Люся – стройная белокурая девушка, похожая на умную лисичку».

Сравнение действительно было моим, но ко всему остальному я отношения не имела!

Я припала к компьютеру и зачем-то понюхала его.

Запах был абсолютно спокойным, мой друг и не думал перегреваться.

Однако нет никаких гарантий, что я не перегрелась сама...

Что ж, раз уж я всё равно сошла с ума, прочитаю до конца. Прошлась по предыдущему тексту: так и есть, кусок про Игоря снова на том же месте...

Читаю дальше. Зина и Люся – крепкие, спортивные де-

вушки, студентки УПИ. Уральского политехнического, который теперь называется УГТУ-УПИ. Уральский государственный технический университет. Зина Колмогорова и Люся Дубинина.

Дальше в тексте был небольшой пробел, а чуть ниже, левее я прочитала слово

Пожалуйста!

Как будто у того, кто писал этот текст, совсем закончились силы, и он остановился, едва успев сказать главное. Принтер тихо вздохнул, зажег зеленый огонек и, постукивая, словно швейная машинка, начал печатать последние страницы. Текст, который писала не я, был выделен курсивом.

В общем, выхода не оставалось – пришлось лезть в шкаф, за красной сумкой “*Marlboro*”. На ней, развалившись и демонстрируя пушистый испод, дремал Шумахер. Я бережно взяла его под животик и перенесла в кресло. Он даже глаз не открыл. А я расстегнула сумку и начала читать все бумаги подряд – прямо в коридоре, сидя на коврикe.

6.

Очень скоро стали проясняться обстоятельства истории, случившейся сорок лет назад. Огромное количество людей излагали письменно и устно (под запись) факты и впечатления, в сумке оказался целый ворох газет и ксерокопий, нашлось здесь даже две книжки. Первая была старой, называлась «Высшей категории трудности», вторая, зримо моложе, носила имя «Цена гостайны – девять жизней».

Я прочитала обе за два с половиной часа.

«Высшей категории трудности» – повесть под синей обложкой с костром и горами. Автор: Ю.Яровой. Бывший журналист «Насменки». Книжка была довольно скучной, но уже с первой страницы становилось ясно, зачем она писалась. История дятловцев не давала автору покоя. И он пересказал ее, как только и можно было в то время – зашифровав имена, топонимы, да и само событие почти что до полной неузнаваемости.

Глеб Сосновский, главный герой, – это Игорь Дятлов. У Ярового только он и погиб при страшном буране, остальным удалось спастись в заброшенной избушке геологов.

Коломийцева – это Зина Колмогорова, Васенина – Дубинина, Постырь – Золотарев; я уже стала различать знакомые характеры в чужих образах.

Вторая книжка, совсем новенькая с виду, и даже с типо-

графским запахом, который еще не выветрился, выглядела не так романтично. Автор по фамилии Гушин. Похоже, что журналист. Книжка его представляла собой довольно толковую составленную газетную статью, в которой подробно описывались и события сорокалетней давности, и то, что происходило после. Гушин представил несколько версий гибели ребят, причем одна из них выглядела вполне убедительной. В книжке были иллюстрации скверного качества, но я начала узнавать некоторые лица даже в таком изображении.

И принялась вести собственные записи.

Итак.

В конце января 1959 года, то есть через шесть лет после смерти Сталина и через четырнадцать – после окончания Второй мировой войны, группа студентов из УПИ отправилась в очередной лыжный поход высшей тогда категории трудности.

Собственно студентов в составе группы было пятеро – Игорь Дятлов, Александр Колеватов, Рустем Слободин, Зина и Люся. Юрий Дорошенко, Георгий Кривонищенко и Николай Тибо-Бриньоль были уже выпускниками, то есть инженерами, а самый старший участник похода Александр Золотарев вообще работал инструктором на Коуровской турбазе.

(Примечательно, что вначале в поход отправились десять человек, но у Юрия Юдина случился радикулит, и поэтому из 2-го Северного поселка он отбыл домой.)

Я крупно написала фамилию Юдин и потом еще обвела ее.

Сначала всё шло по плану. Группа Игоря Дятлова поездом выехала из Свердловска в Серов, оттуда – в Ивдель, потом в Визжай, и наконец попутка, самая обычная телега, увезла их вещи во 2-й Северный поселок. Сами ребята шли пешком. В поселке они встали на лыжи и отправились в поход к Отортену, горе на Северном Урале, которая являлась основной целью маршruta.

В ночь с 1 на 2 февраля 1959 года Дятлов решил установить палатку на склоне горы с труднопроизносимым названием Холат-Сяхыл (в переводе означает «Гора Мертвецов»). Группа расположилась на ночлег.

Дальше – только домыслы и полная неизвестность.

Долгое время в Свердловске ждали сообщения о том, что группа Дятлова вернулась в Визжай. Не дождались. Начались поиски, и лишь спустя двадцать пять дней после случившегося на склоне Горы Мертвецов обнаружили палатку, разрезанную ножом, а в отдалении – мертвые тела. Двое лежали под огромным кедром, трое замерзли будто бы по дороге от кедра к палатке. От палатки тянулась цепочка человеческих следов, а возле кедра нашлись «следы человеческой деятельности» – костровище.

Следов насильственной смерти сначала обнаружено не было.

Я начертила на девяти страничках горизонтальные линии, написала сверху девять имен и фамилий. Теперь можно со-

ставлять досье. Но это завтра, а пока я приняла душ и улеглась в постель, прихватив с собой еще одну картонную папку. На этот раз – из тех, что были у Эмиля Сергеевича. Очередная надпись: *Дело... скоросшиватель*.

Ничего там подшито не было – в папке лежали тоненькие тетрадки с блеклыми обложками: почти зеленая, уже не белая, едва розовая... Это были дневники туристических групп и планы походов 1955–1957 годов, поход по Кавказу, Южный Урал, Чёртово (таковы были правописательные требования) городище... Состав участников групп, занесенный в специально разлинованную таблицу, менялся, но две фамилии встречались повсюду: И.Дятлов (упоминался в основном как начальник групп) и З.Колмогорова (санитар, завхоз). Два раза встретилась и фамилия Тибо (без второй части – Бриньоль).

Пришел Шумахер, оценил незнакомый запах старых чернил (так пахло от маминых тетрадок отличницы, которыми бабушка потрясала перед моим «троечным» носом).

Я обняла кота, и мы начали читать вместе.

8. Дневник

10/II – 57 г.

Последний день сессии. Некоторые еще сдают экзамены, другие налаживают лыжи, запасают пленки, подгоняют снаряжение. Ведь сегодня ночью поезд понесет нас в далекие края!

Тут запись прерывалась, что-то остановило автора. В по-

ходах, я знала от папы, туристы обычно ведут дневники по очереди, причем делают это почти все без особой охоты. Сразу видно женское письмо – оно выдает себя не только слабеньким карандашным нажимом, но и подробными описаниями, цитатами: «он сказал», «она ответила»... Мужчинам жаль тратить слова попусту: в основном они сдержанно сообщают, где в конкретный момент находится группа и каковы погодные условия. В лучшем случае – описывают привлекательность окружающего ландшафта. При условии, что его признали привлекательным.

Дневник, который я читала, не имел отношения к делу – но разве я знала, кто его вел?

В ожидании электрички плясали, пели, прыгали, ели конфеты. Грелись у одного рабочего в квартире, были свидетелями горя алкоголика и радости человека. До Свердловска доехали на двух электричках, весь поход сопровождался различными приключениями, интересными авариями, как, например, у Володи поломалось крепление, в ожидании, пока ремонтировали, девочки сочиняли на мотив бродяги: «Авария-а-а-а...»

Точно, была такая песня из индийского фильма с Раджем Капуром – «Бродяга». Абарая-а-а-а. Мама спела мне однажды частушку тех времен:

Радж Капур, Радж Капур,
Посмотри на этих дур:

Даже бабушка моя
И та поет «Абарая».

А запись эта, про аварию – явно женской руки.

В другой тетрадке – маршрут, расписанный по дням, с указанием цели и задачи похода (видимо, требовались спортклубом), подробные списки снаряжения. Тут же – картосхемы пути и чертежи, насколько я могла понять, какой-то печки, расчеты «в столбик» и чернильные рожицы. Кто их рисовал? Может, Дятлов?..

Всё это происходило за два года до страшной гибели его группы.

Открыла общую тетрадку в клеенчатой обложке. Карандашная надпись на развороте:

*Дневник похода по Кавказу
(лето – осень 1957 г.)*

Сначала восхищенные девушки подробно расписывают дорогу и свои от нее ожидания. Потом появляется размашистый почерк:

26 августа 1957 г.

Странная погода, впрочем, может, обычная для этих мест; невыносимая жара днем, довольно холодно ночью. Степь, бесконечная степь. Исторические места боев во время Второй мировой войны. На одном из полустанков – памятник-пушка павшим артиллеристам.

Скоро Сталинград. Здесь всё напоминает о прошедшей войне. Сохранились воронки от снарядов, братские памятники-могилы. Большой красивый вокзал построен в стиле героическом. У входа – скульптуры солдат, матросов – защитников Сталинграда. Вот и Волга. Поезд проходит в стороне от реки, лишь иногда показывается ее голубая гладь. Волго-донской судоходный канал имени Ленина. У входа – огромная скульптура Сталина. Поезд идет вдоль канала. Несколько белых, новых поселков, видимо, жители их – рабочие канала. А кругом сухая степь. Железная дорога, видимо, самое плодородное, удобренное место, поэтому вдоль ее с успехом растут тыквы, арбузы, да такие большие, спелые. И так без конца. Особых впечатлений нет. Ярко вспыхивают зарницы, ведь их видно здесь на сотни км.

Дятлов И.

Кавказский дневник оказался самым подробным, но раз-
машистых записей Дятлова я в нем больше не встретила, ви-
димо, как начальник, он имел право отвертеться от этой ра-
боты. Зато про Игоря охотно и много пишут другие участ-
ники похода:

*Встал вопрос, оставлять кого или нет здесь
сторожить вещи. Коля, и Славка, и Пашика усиленно
наседали на Игоря, уверяя, что всё украдут, если не
оставить никого. Игорь сначала решительно сказал
«нет», но после вторичного наступления ребят он
встал, и, как Наполеон, долго думал, и спокойно*

произнес: «Останется Коля и ты, Женя». Для меня это было неожиданностью, так как я не изъявлял желания оставаться и хотел вернуться.

Сразу за этими заметками следовала длинная, подробная запись на семь страниц, сделанная разборчивым, четким почерком. Я сразу обратила на этот почерк внимание и потом уже увидела, что он часто встречается в дневнике. Обладательница (без сомнения, обладательница) почерка рассказывала о своих впечатлениях с удовольствием, ей нравилось писать.

1 сентября 1957 г.

Добрый день!

Да, действительно, это добрый день.

В разных концах Советского Союза бегут в этот день, кто в первый раз с родителями, а кто уже и не первый раз, в школу, сколько встреч, радости, рукопожатий, поцелуев, взвизгиваний при встрече и прочих вещей происходит 1 сентября. Может, сегодня и у нас, в УПИ, за несколько тыс. км отсюда, у спортклуба собрались наши друзья походные и обмениваются своими впечатлениями о проведенном лете, кто-то побыл на Саянах, кто-то на Урале, но все радостные и веселые бегут к спортклубу. Правда, их, должно быть, немного, многие на практике, а многие и в походах.

Добрый день! В этот день все, и старые и молодые, все помнят о нем. Да и как о нем не помнить! Вот и мы, 12 человек, шагаем по Чегемскому ущелью, и невольно

вспоминается, что сегодня 1 сентября!

Неумело, но искренне, как говорит моя мама, «с душой». Я перелистнула несколько страниц – до последнего абзаца этой записи:

...Кругом горы, горы, снежные вершины, поднимаемся выше и выше, встречается лес и красивые цветы, изредка малина, брусника в лесу, но вот перешли еще один ручей и остановились на привал. Место очень, очень красивое, островок, кругом вода и горы, погода противная стала, дождь идет. Вот уже горит наш туристский костер и готовится ужин, и так каждый день – всё новое и новое открывается, горы так грандиозны и величавы, что человек кажется среди них букашкой, а ведь в то же время он всемогущ. Может быть, еще допишу что-нибудь, но пока на сегодня хватит.

С приветом, Зколм...

Та, что писала эти строки, – возвышенная душа, – Зина Колмогорова? Зиночка, красивая даже по нынешним безумным представлениям брюнетка, через два года вместе с другими дятловцами трагически погибнет. Пока же они идут по Кавказу, любуются незнакомой природой и тщательно фиксируют увиденное в коллективном дневнике.

Старается незнакомый мужской почерк:

Лес на правом берегу Чегема, и первый привал. Мы оказались в настоящем уральском лесу: сосняк, береза, иногда ива. Из ягод – брусника, черника, земляника.

Зина набрала полные руки грибов и на ходу пыталась расталкивать их в карманы рюкзаков ребят.

А вот девушка пишет:

Как только кто-нибудь из нас повышает голос, раздражается или слишком бурно реагирует на окружающую среду, тому сразу приписывают горную болезнь. Сегодня она очень сильно проявилась у Игоря. На предыдущем привале он так долго ворчал на Лилю из-за йода, что Лиля пожалела, что у нее нет с собой никаких средств лечения (как то: капель, мази, таблеток и пр.) от горной болезни.

Я увлеклась, читала теперь уже всё подряд. Кавказская группа действовала профессионально и шла строго по маршруту. Успевали шутить и смеяться.

Особенно комичной была переправа Зины, которая взгромоздилась на спину Коле и таким образом, с ужимками на лице под дружный смех товарищей, перебралась на другой берег. Бедный Коля! Ему пришлось потрудиться, его собственный вес 64 кг да еще + такой же вес Зины – итого 128 кг. Трудновато!

Сейчас обеденный привал. Всё хорошо, кроме того, что у дежурных пригорело какао, пачку которого нашел Игорь в дупле большой сосны у места нашего привала. Перевал мы не прошли, а только дошли до него. Шли без особых приключений, «по горам, по долам». Место для ночевки выбрали довольно удачно. Здесь много дров, которые приносят сюда альпинисты.

Сейчас Володя (дежурный) дует во всю мощь и силу своих легких, способствуя этим горению дров. Но вода нагревается что-то очень медленно, а когда закипит – и совсем неизвестно.

Ближе к концу тетрадки мы с Шуми наткнулись на еще одну Зиновкину запись. Текст меня поразил. Может, у Зины были предчувствия?

Надо сказать, что здесь не жарко, и мы идем на перевал. Если перевал Донгуз-Орунбаши можно назвать перевалом «костей конских, ишачьих и вообще скотских», то перевал Басса можно назвать перевалом «костей людских», но неизвестно, немецких или русских, т. е., буржуазных или советских. На перевал ведет довольно нудная тропинка серпантином, и вообще перевал легкий. Видели с него перевал Чипер-Азау, кое-кто пожалел, что не пошли через него, но большинство ничего, песни поют про долины и море. На ночлег остановились на ровной площадке, где на бугорке стоит могила, и, видимо, всяк, кто пройдет через эти 2 перевала, поклонится этой могилке. Сейчас все ушли за дровами и мне надо идти.

Стало не по себе. Я аккуратно закрыла последний в пачке дневник и положила его на пол. Прижала к себе Шумахера (ух, как звучит все-таки!) и уснула.

7.

Очнувшись поутру, я обнаружила возле постели две пары тапочек. Нет, со мной никто, кроме кота, не спал, и ног у меня всего две, не четыре... Недолго подумав, вспомнила, что мне померещился ночной звонок в дверь – я бегала в коридор босиком, и вернулась обратно уже в других тапочках.

«Шизофрения прогрессирует», – печально думала я. И тут раздался реальный звонок: телефонный.

– У аппарата.

– Знаешь, мне так легко представить себе твой сон...

Так по-дурацки начать беседу может только один человек (из мне известных, разумеется). Вадик. Мой бывший муж.

– Вадик, какой именно сон ты имеешь в виду? Откуда тебе знать, что мне снится?

– А еще писатель, – расстроился Вадик, – я ведь о тебе говорю. Как ты лежишь, свернувшись калачиком, и...

– Заткнись, пожалуйста, – сказала я искренне.

Вадик обрадовался энергии в моем голосе. Энергия движет миром.

– Открывай дверь, девушка, я у тебя под окнами. Надо поговорить.

– Говори по телефону.

– Так деньги ж капаят!

Шумахер побежал за мной следом, и расстроился, что я

направилась не к холодильнику.

Вадик уже стоял на лестничной площадке. Худой, длинный, нескладный. С кривой улыбкой и мимозой в руке. Господи, где он ее выкопал, болезную?

Я погладила желтые пушистые ветки. Холодные! Шумахер неодобрительно выглядывал из-за стены – так что видно было только полморды, как на фото писательниц из новой серии «Вагриуса».

– Здорово, Хаккинен! – радостно сказал Вадик, и Шуми скривился от его глупости. Вадик попытался погладить кошечку, но тот увильнул – побежал в сторону кухни. Задал нам обоим верное направление.

Я размахивала мимозой, как веником. Вадик шумно разувался и говорил слишком громко:

– Тут такое дело... Мы с Машкой расстались.

Машка – некогда ближайшая моя подруга, которая полтора года назад решила, что Вадик подходит ей больше, чем мне. Всё это время, по моим представлениям, она должна была почивать на лаврах. Вернее, в супружеской постели с еще не остывшим после моих ласк Вадиком. Пусть так. И спасибо, что хотя бы квартиру себе не забрали.

– Расстались? А как же безумная страсть, перешедшая в ровное теплое чувство?

Вадик ярко покраснел, потому что именно этими словами лечил меня год назад.

– Теперь Машка любит Наташкиного Гришу.

Я в это время набрала в рот воды – некстати, потому что, захохотав, подавилась.

– Ей просто нужно чужое, – сказал Вадик.

– Наконец-то.

– Что наконец-то? – не понял экс-муж.

– Наконец-то до тебя дошло!

– Аня, – грустно сказал Вадик, – не язви. Мне и так больно.

– Больно ему, надо же! И что я должна сделать? – Шумакер в смиренной позе стоял перед холодильником, вознося молитвы Большому Белому Брату, а я накладывала ему в мисочку мясные колобки фарша. Вадик жадно смотрел на мясо. Голодный, наверное. – Пожалеть тебя и пустить обратно? Не дожدهшься, Вадик! Больше, что я могу для тебя сделать, – это накормить обедом. И только потому, что сама есть хочу.

– Согласен даже на обед, – по его лицу было видно, что он надеялся на большее. И будет надеяться дальше. Такие люди, как Вадик, теряют надежду только вместе с жизнью.

– Ладно, тогда сиди тут и жди. – Я положила заледеневший кусман багрового мяса в микроволновку и нажала кнопку разморозки. Стекланный круг завертелся, а Вадик пригорюнился в отличие от Шумахера – тот уже слопал свои колобки и победно вылизывал мех посреди кухни. Задняя лапа торчала выше уха – это к плохой погоде. – Мне надо привести себя в порядок. Перевернешь мясо, как пропикает четы-

ре раза.

– Я помню, – Вадик готов был согласиться на что угодно. Сложил ладони лодочкой, пока я снимала кольца с рук. И смиренно подставил эту лодочку мне. Колечки брякнули друг о друга, многие из них мы выбирали вместе. – Теплые кольца, – сказал Вадик. Тон его мне не понравился.

– Ты, Вадик, такой романтичный, что меня сейчас стошнит, – невежливо сказала я и пошла в ванную. Пустила воду, которая захлестала тут же, как из насоса. Она, удивительное дело, даже была горячей. Вода шумела, но жалобное мырканье Шумахера я слышала и пустила его в ванную.

– А я? – страстно спросил Вадик.

– А ты – ставь свою мимозу в вазу!

Шумахер встал на задние лапки и нюхал мыльные кружева, собрав усы в букет. Я сняла пижаму и опустилась в горячую пенную воду.

8.

В дверь колотили, а мне было смертельно холодно. И Шумахер был волком.

– Аня, открывай!

Вадик?.. Я повернулась на бок и услышала плеск воды. Надо же! Всё еще в ванне. Видимо, пригрелась и уснула. За это время и вода остыла, и Шумахер с Вадиком чуть не рехнулись.

– Не буду я тебе открывать, успокойся, всё в порядке.

Шумахер довольно раздувал крошечные ноздри: по квартире плыл аромат тушеного мяса.

Вадик поспешно снимал фартук. На столе красовались маринованные грибы и домашнее лечо, брынза с оливками и кедровыми орешками и, наконец, две глиняные кружки. Из них валил нешуточный пар – как из люков на Манхэттене, в кино. Грог! Тот самый, что, можно сказать, и сблизил нас с Вадиком десять лет назад. Вино он явно пронес под курткой – у меня дома запасы спиртного не задерживаются. А идею подсмотрел в каком-нибудь глянце. Машка обожает женские журналы.

– Ну и что? – спросила я. – Ждешь, что растаю от умиления и одарю тебя новой порцией своего доверия? А ты будешь стоять смущенно, и скупая мужская слеза прочтет

мокрою дорожку по загрубевшей щеке?

– Не щеке, а коже, – обиженно сказал Вадик. Тоже мне, литературный редактор.

– Вадик, не читай ты эти глянцевого журналы – хорошо они тебе не посоветуют. Обед ты приготовил, спасибо, сэкономил время. Давай ешь по-быстрому – и гудбай, у меня много работы.

– Суров ты был! А вон гляди, на какую речь пробрало – не такие уж и дураки в этих журналах пишут. Просто они имеют в виду нормальных женщин, а не ударенных жизнью писательниц.

– Вадька, меня не жизнь ударила, а ты...

Я решила переодеться в нечто подходящее для парадного обеда с грогом. Не стоило, наверное, быть с Вадиком такой резкой. Не важно, что бывший муж – всё равно ведь родной человек. Господи! Десять лет спать рядом, драться из-за лучшей подушки, прятать подарки, чтобы не нашел раньше времени, да просто – любить, а потом: «Аня, я пошел, потому что – Маша». Счастливая Машка, ее хищная рожица, и пустота, умерший телефон, выкуренные сигареты – целыми пачками.

Теперь он приготовил обед, и все?

Я рывком, как в кино, раскрыла дверцы шифоньера. С вешалок упали три кофточки. На помощь явился Шуми. Он мягко запрыгнул в шифоньер и начал терев лапками коф-

точки. На борьбу с котом у меня ушло довольно много времени. Потом я подняла одну из кофточек, отряхнула ее от шумиковской шерсти и напялила, застегивая на ходу. Джинсы, и хватит с него.

Вадик сидел у стола сгорбившись.

– Ты не против? Взял посмотреть.

Я обомлела. Он залез в красную сумку и теперь листал одну из Светиных папок.

– Вадик, я всегда категорически против копаний в моих вещах.

– Красиво говоришь! – радостно сказал Вадик и вернул папку на место. – К столу!

Во время еды мы оба молчали, впрочем, у нас и раньше была такая привычка. Мы никогда не жаловались на проблемы с аппетитом. Но мне вдруг показалось, что ест он слишком медленно. Время тянет, что ли?

– Что это за документы? Новая книжка?

– Ну да.

– Расскажи, – попросил он и потянулся к кастрюле с супом.

А я вдруг почувствовала, что мне хочется поделиться с ним моими мыслями, рассказать всю эту странную историю, которая сама меня выбрала.

– Ты слышал о пропавших туристах из УПИ? Это было в 1959 году.

Группа студентов отправилась в очередной поход. Категорийный – многим из ребят нужно было получить высшую категорию и разряд. Посвящался поход какому-то съезду партии. На полном серьезе: ну, ты можешь себе представить, какое тогда время было.

Вадик кивнул, а меня несло, как Гомера.

– Возглавлял коллектив Игорь Дятлов – опытный турист, сто раз бывавший в сложных походах. Впрочем, вся группа подобралась ему под стать: не было ни новичков, ни слабых.

– Вот взяли бы тебя, ох и поплакали бы... – философски сказал Вадик кружке с грогом.

– Если ты будешь меня перебивать...

Вадик замотал головой, что не будет.

– Семеро мужчин и две девушки, – терпеливо продолжила я. – Правда, поначалу в поход должны были отправиться одиннадцать человек, но один отпал еще в Свердловске – из-за «хвостов» по учебе, а другой, Юрий Юдин, сошел с маршрута во 2-м Северном поселке.

Маршрут задумывался такой: Свердловск – Серов – город Ивдель – поселок Вижай – поселок 2-й Северный – гора Отортен – река Унья – река Вишера – гора Ойка-Чакур – река Северная Тошемка – поселок Вижай – город Ивдель – Свердловск. Протяженность – триста километров.

Так вот, у Юдина случился приступ радикулита, и его решили отправить обратно, у них с этим делом было очень

строго. Я читала дневники предыдущих походов: если что-то со здоровьем не так, участник тут же отстранялся. Впрочем, некоторые говорили, что Юдин сам решил уйти, якобы чувствовал, что не тянет...

28 января группа начала движение вверх по реке Лозьва, а 31-го числа – подъем по реке Ауспии. Пытались выйти через перевал к долине четвертого притока Лозьвы. Однако из-за низкой температуры и сильного ветра ребята вынуждены были устроить ночлег.

В первый февральский день в верховьях Ауспии был сооружен лабаз, где туристы оставили запас продуктов и лишних вещей.

– Лабаз? – переспросил такой же далекий, как и я, от туризма Вадик, а я важно покивала.

– За три дня группа Дятлова должна была взять Отортен и потом вернуться в лагерь, чтобы продолжить маршрут. Поэтому туристы торопились.

Я заглянула в листок, подписанный младшим советником юстиции Ивановым, чтобы проверить, насколько хорошо запомнила цифры и факты. Пока вроде бы всё излагала верно.

– В три часа дня начался траверс высоты «1079», которую местные манси называют «Холат-Сяхыл». Переводится это с мансийского как «Гора Мертвецов». Якобы когда-то давно здесь погибло девять манси.

– А дятловцев сколько было, ты сказала?

– Девять. Меня радует твоя наблюдательность, Вадик. Не

совсем еще конченный человек. Так вот, почему они пошли на Холат-Сяхыл? Напоминаю тебе, что их главной целью была гора Отортен, а никакой «1079» в маршруте не значилось. Траверсируя склон Горы Мертвецов, можно было избежать спуска в долину четвертого притока Лозьвы, то есть пяти-шестиметровой толщи снега. Логичнее было пройти по хребту, где малозаснеженный рельеф, чтобы сохранить время и силы.

Туристы взяли левее на несколько сотен метров и вместо перевала между высотами «1079» и «880» вышли на склон Горы Мертвецов.

Горы эти, Вадик, судя по фотографиям, широкие и невысокие, лысые – почти никакой растительности там нет. Правда, один ученый, Александр Матвеев – у него куча книжек про географические названия Урала – писал, что несколько раз был на этом самом Холат-Сяхыле и на вершине его видел удивительно яркие незабудки...

– Символично, – сказал Вадик. – Дальше?

– Дальше – больше. Судя по фотоснимкам, прямо на склоне (если точнее – в трехстах метрах от вершины) поставили лагерь. Вырыли яму в снегу, уложили туда лыжи. То есть палатка стояла на лыжах – так делают. И примерно в это время заканчиваются записи в дневниках дятловцев. У них был и общий дневник, который они вели по очереди, и почти у каждого был личный – мода того времени.

Кстати, если совсем точно, то записи в дневниках датиру-

ются предыдущим днем – а именно 31 января. 1 февраля, то есть в день, который нас особенно интересует, ребята готовили выпуск газеты «Вечерний Отортен» – что-то вроде стенгазеты, только там не было стен, чтобы ее повесить.

На 12 февраля был назначен контрольный срок, когда группа Игоря Дятлова должна была сообщить о себе в Свердловск из Вижая. Этого не случилось.

Честно говоря, мало кто забеспокоился. Случалось и раньше, что туристы не выдерживали назначенных сроков, поэтому искать их стали не сразу. И даже очень не сразу... Только 20 февраля, можешь себе представить? Четыре спасательных отряда, состоявших из студентов, отправились разыскивать затерявшихся туристов. И хотя ни о чем особенно плохом по-прежнему не думали, подключились и военные. Сначала поиски были безуспешными, но в конце концов, а точнее – 26 февраля, одно из поисковых подразделений обнаружило палатку дятловцев.

Удивительно, что в ней лежали почти все вещи туристов. Два одеяла, рюкзаки, штормовки, брюки и еще много всего. Тут же нашли продукты.

С подветренной стороны палатки, именно там, где находились головы, ткань оказалась разрезана в двух местах, так, что через эту прорезь можно было вылезти. Ниже палатки на протяжении пятисот метров сохранились следы, ведущие в лес и в долину четвертого притока Лозьвы. Следы восьми-девяти человек. Некоторые шли без обуви, что лично мне

кажется странным... Все-таки февраль.

На расстоянии полутора тысяч метров от палатки, под огромным кедром, поисковики обнаружили остатки костра. И тут же были первые трупы... Возле бывшего костра лежали раздетые до нижнего белья Кривонищенко и Дорошенко. В трехстах метрах от костра – Руستم Слободин, дальше – Зина Колмогорова. Игорь Дятлов полулежал-полусидел, обнимая рукой ствол маленькой березки. Как и Зину с Рустиком, его нашли как бы на одной прямой от кедра до палатки. Зина, кстати, была ближе всех к палатке.

Умерли все пятеро – по первому впечатлению – от переохлаждения. Однако Руستم Слободин имел заметную трещину свода черепа длиной около шести сантиметров, которая разошлась на 0,2 сантиметра.

Обыскав всё вокруг и проверив снег щупами, поисковики на время покинули место трагедии, забрав с собой тела и палатку.

– Подожди-ка, ведь их было девять! А нашли только пятерых – двоих у кедра и троих потом.

– Вот именно. Однако остальных нашли нескоро – только 4 мая! Вниз от костра, – я опять заглянула в текст Иванова, – по направлению к долине четвертого притока Лозьвы под толщей снега в 4–4,5 метра обнаружили трупы Дубининой, Золотарева, Тибо-Бриньоля и Колеватова. Работа, которую провели поисковые отряды, – это был адский труд. Прощупывали каждый сантиметр, использовали миноискатели,

от которых, впрочем, было мало толку...

Я замолчала.

– И это всё?

– Как тебе сказать... Из того, что мы знаем наверняка, – да. Есть целые кучи документов, показаний, исследований, домыслов и фантазий. Вот я и пытаюсь читать всё это и думать...

– Но ведь это не твоя тема.

Я уже раскрыла рот, чтобы рассказать Вадика о мистических явлениях последних дней, но вовремя опомнилась. Бывший муж не из тех, кто верит во всякие чудеса – заломит мне руки за спину да и отвезет в дурку. Из лучших, причем, побуждений.

Вадик явно ждал объяснений, и тут очень кстати зазвонил телефон.

– Рада до смерти? – спросили меня.

– Здравствуй, Маша!

– Дай мне Вадика.

– Уже отдала, кажется. Вадик! Твоя сожительница!

Вадик сделал три просительных морщины на лбу, но я всучила ему трубку, и он пошел с ней в комнату.

Зачем я рассказала этому чудовищу – чужому чудовищу, между прочим – историю, которая так важна для меня? Будто бы предала дятловцев, угрюмо думалось мне.

А Вадик уже бежал из комнаты со счастливой рожей.

– Я сказал, чтобы она меня оставила в покое со свои-

ми неумеренными сексуальными требованиями. И вообще – чтобы она оставила меня в покое!

– Ждешь похвалы и восхищений? Не будет!

Вадик попытался пролезть за кухонный стол.

– Мы договорились, что ты уйдешь после обеда. – Я обвела рукой разоренный стол. – Есть больше нечего.

– Могу приготовить еще! – вскинулся бывший муж.

– Вадик, успокойся – и домой.

– Аня, нельзя быть такой правильной. Господь Бог посмотрит на тебя и подумает: она такая хорошая, что ей нет смысла жить долго. Она и так всё делает верно.

Я не выдержала и засмеялась. Знает, как подъехать.

– Можно я приду завтра? Сделаю тебе покушать.

– Нет такого слова – «кушать».

– Я принесу тебе словарик, и мы вместе его читаем, – смиренно сказал муж.

– Словарик, как ты говоришь, у меня есть. Можешь прийти в субботу, посмотрим «Формулу-1».

Вадик засверкал, как река на солнце, и пошел в прихожую.

– Знаешь, – сказал на прощанье, – я тут подумал: может, и хорошо, что они так погибли – странно и загадочно?.. Не возмущайся, ты не поняла меня. Вот скажи, сколько бы им сейчас было?

– Шестьдесят два – шестьдесят пять. Золотареву – больше, он старше всех.

– Видишь... Превратились бы в противных стариков: сто-

яли бы с красными знаменами у памятника Ленину, писали бы в газеты, ругались бы в общественном транспорте, а так – они ведь шагнули в бессмертие, прости за пафос. И по сей день их называют просто по именам: Зина, Люда, Рустик... Даже ты, девчонка, которая им во внучки годится.

– Ты катастрофически не прав. Ничто не стоит дороже, чем право прожить собственную жизнь. Даже если в окончании ее – не то, о чем мечтали в юности. Ну и что? А вдруг среди них был гений? Или просто хороший человек, что, на мой вкус, лучше любого гения? И вообще, они нянчили бы внуков, собирались бы по праздникам вместе, пели бы под гитару. Почему нет?

Вадик ушел. А я налила себе полный стакан остывшего грога – увы, лишившись высоких температур, он превратился в омерзительное пойло.

9.

Протокол допроса свидетеля

14 апреля 1959 года. Город Свердловск. Прокурор следственного отдела облпрокуратуры, мл. советник юстиции Романов допросил в прокуратуре в качестве свидетеля <...> Колеватову Римму Сергеевну, 1929 года рождения.

Судя по возрасту, это сестра Саши Колеватова. (Вадик кое в чем прав – я действительно называю их просто по имени. И вслух, и про себя.)

Показания свидетельницы, которая действительно оказалась сестрой Саши, занимали несколько страниц и были записаны ею собственноручно – мелким аккуратным почерком.

При восхождении на гору Отортен 2 февраля этого года погибла группа туристов Уральского политехнического института (в этой группе учился и мой брат Александр Сергеевич Колеватов, студент 4 курса физико-технического факультета).

Я хорошо знаю состав группы, с некоторыми участниками похода встречалась, знаю, как снаряжалась группа (брат мой должен был обеспечить

группу всем необходимым для похода). Мы с ним много беседовали об этом. Наконец, мне пришлось быть непосредственной свидетельницей и даже немного участницей начавшихся розысков пропавшей группы.

Считаю совершенно необходимым отметить <...> следующие недостатки в организации похода.

1. На организацию таких туристских походов отпускаются очень скудные средства. Предстоял 22-дневный лыжный переход по безлюдным местам в зимних условиях. Естественно, полагается иметь запас высокопитательных продуктов, в частности, каждому студенту нужно было иметь неприкосновенный запас шоколада (так же, как они имели коробку спичек каждый в нагрудном внутреннем кармане костюма). Институт выделил каждому студенту всего по 100 (сто) рублей в качестве помощи, что, конечно, было недостаточно. Остальные средства участники группы собирали сами, складываясь по 350 рублей. Я не ошибусь, если скажу, что многое для снаряжения группы доставалось в спортклубе УПИ с боем. Мой брат «отхватил», как он сам выразился, каждому участнику похода штормовые костюмы, ему через некоторое время сказали, что штормовки полагается иметь только альпинистам, и потребовали вернуть их (за штормовыми костюмами приходили к нам домой). В последний день, в день выхода, Александр достал шерстяные свитеры и приносил их домой «контрабандой», надев на себя по 3 штуки. Спальных

мешков у группы не было.

2. Несвоевременно, с большим опозданием начались розыски пропавшей группы. В Свердловск группа должна была возвратиться 14–15 февраля, 12 февраля они должны были дать телеграмму из Визая, их конечного пункта по маршруту, с извещением о прибытии в него. Родители беспокоились о своих детях и, конечно, звонили и в спортклуб УПИ, и в городской спортивный клуб (со слов Дубининых и Слободиных). Я сама позвонила в институт только 17 февраля, спустя 3 дня после контрольного срока. Зав. спортклубом т. Гордо на месте не оказалось, попытки дозвониться до него были тщетны: его невозможно было застать на работе. Сразу же я позвонила в городскую спортивную секцию т. Уфимцеву. Он заверил, что беспокоиться не о чем, что группы задерживаются в пути и на неделю, и т. д. Возмутителен и преступен такой факт: 18/II т. Гордо информировал партком Политехнического института, что из Визая получена телеграмма, извещающая о том, что группа задерживается в пути. Секретарь парткома УПИ т. Заостровский Ф.П. информацию т. Гордо не проверил и о случившемся событии не поставил в известность директора института т. Сиунова Н.С. Директор же узнал об этом только тогда, когда ему позвонила из Горкома партии т. Федченко Е.П. (я сама вынуждена была обратиться в Горком с просьбой принять меры к розыску группы).

Таким образом, телеграмму перепутали

(телеграмма пришла от параллельной группы, от группы Блинова), дирекцию института в известность о случившемся не поставили. Поиски начались только лишь по настоянию родителей туристов.

Когда Политехнический институт начал организовывать поиски, оказалось, что в спортклубе не было схемы маршрута, по которому студенты ушли в поход, схемы, нанесенной на карту. Заместитель председателя спортивного клуба при УПИ т. Мильман, узнавший от третьих лиц о том, что у меня была карта со схемой маршрута перед отправлением группы в поход, позвонил моей сестре Нине Сергеевне Анисимовой с просьбой доставить карту, по которой можно было бы начать поиски. Но эту карту мой брат Александр взял с собою в поход. Карту эту брату дал Игнатий Фокич Рягин, заместитель начальника треста «Гипромедьруда» (если я не ошибаюсь в названии), наш знакомый. Он знал те места и беседовал с братом о предстоящем походе. После звонка из спортклуба УПИ И.Ф.Рягин по нашей просьбе по памяти восстановил маршрут и нанес его на карту, которую я лично 19 февраля передала полковнику Ортюкову (он первым вылетел на поиски группы).

3. Возмущение вызывает организация похорон. Каждого из родителей вызывали в отдельности или в Обком партии (т. Серкова З.Т.), или в Политехнический институт и предлагали хоронить погибших в Ивделе. Какое отношение имеют ребята к Ивделю? Жили в Свердловске, учились в Свердловске, дружили в

Свердловске – а хоронить предложили в Ивделе. Т. Серкова каждого из родителей пыталась убедить (с их слов), что все, даже жители Свердловска, согласны хоронить в Ивделе (лично мы, Колеватовы, Слободины, Дубинины сразу же категорически запротестовали против такого предложения), что их похоронят в братской могиле, что в Ивделе им будет поставлен обелиск. Возникает вопрос: почему это же самое нельзя было бы сделать в Свердловске? Когда родителям Зины Колмогоровой было тоже предложено похоронить дочь в Ивделе, они ведь отказались это сделать и предложили собрать всех родителей в УПИ вместе, чтобы согласованно решить этот вопрос. На это секретарь парткома УПИ (точно фамилии не помню) ответил, что родители живут в разных местах и собрать их невозможно. Что за конспирация такая? Почему пришлось претерпеть столько мытарств, даже идти к секретарю Обкома партии т. Куроедову, чтобы добиться похорон в родном Свердловске? Бездушиное отношение к людям, понесшим такое большое, неутешное горе. Столько заставили страдать матерей, отцов, близких, потерявших хороших, честных людей.

4. Мне пришлось каждого из погибших, найденных туристов похоронить. Почему у них такие коричневые, с темным оттенком руки и лица? Чем объяснить тот факт, что четверо тех, кто был у костра и остался, по всем предположениям, живым, не сделали никакой попытки возвратиться в палатку? Если они были

значительно теплее одеты (по тем вещам, которых не хватает среди обнаруженных в палатке), если это стихийное бедствие, безусловно, пробыв у костра, ребята непременно поползли бы к палатке. Целиком группа не могла погибнуть от бурана. Почему они так панически бежали из палатки?

Группа туристов педагогического института географического факультета (с их слов), которая была на горе Чистоп (юго-восточнее), видела в эти дни, в первых числах февраля, в районе г. Отортен какой-то огненный шар. Такие же огненные шары были зафиксированы и позднее. Какого они происхождения? Не могли ли они стать причиной гибели ребят? Ведь в группе собрались выносливые и бывалые люди. Дятлов в этих местах был уже третий раз. Люда Дубинина сама водила группу на г. Чистоп зимой 1958 года, многие из ребят (Колеватов, Дубинина, Дорошенко) были в походах на Саянах. Не могли они погибнуть только от разбушевавшегося бурана.

Почему, отправляя группу в поход, ее не снабдили рацией? Видя безвыходность своего положения, ребята, несомненно, дали бы сигнал бедствия. Когда эти же участники похода встречали Новый 1959 год в лесу, выезжая на 2 дня на ст. Бойцы (по Пермской железной дороге), у них же была рация, они слушали Москву. Рацию брал и нес с собою тогда Игорь Дятлов (так рассказывал мне брат). Это еще раз свидетельствует о печальной бесконтрольности наших спортивных организаций.

Прошу объективно разобраться в причинах гибели группы туристов, родителям и родственникам дать возможность узнать об этих причинах.

— Как бы я хотела знать эти самые причины, — сказала я приунывшему Шумахеру. — И как бы удивилась Римма Сергеевна Колеватова, узнав, что причины гибели группы Дятлова никогда не будут выяснены...

По крайней мере на тридцать лет о дятловцах и вовсе забудут.

Под протоколом лежал небольшой листочек. Копия телеграммы:

**Куда: Свердловская область,
гор. Первоуральск, Соц-город,
Садовая, 13**

Кому: Дятлову А.А.

Адрес отправителя: с. Вижай, Дятлов

Здравствуйте все.

Сегодня, 26, выходим на маршрут, доехали хорошо.

12–15 февраля заеду в Свердловск. Домой, наверное, не заеду, поэтому пусть Руфа занесет к нам в комнату белье для поездки в Пензу. Оттуда вернусь 5–7 марта.

С приветом, Игорь.

Получается, Дятлова дома и не ждали — до марта.

Тут в мои мысли врезался телефонный звонок.

– Ань, извини, что отрываю...

Забыла сказать: Света мило картавила. В детстве я говорила точно так же, но потом меня переучили логопеды.

– Совсем даже не отрываешь! Я сама хотела тебе позвонить.

Света виновато сказала:

– Ты, наверное, подумала, что я вся такая загадочная и всезнающая, а на самом деле я ужасно стеснялась. Боялась, ты будешь смеяться.

– Над чем я должна была смеяться?

– Понимаешь, у девушек в моем возрасте должны быть совсем другие интересы... А я живу с сорокалетним опозданием. Мне даже один знакомый сказал: «Живые тебя не интересуют». Но ведь это неправда! Я просто не знаю, как объяснить...

– Объясни мне лучше другое. – Я прижала трубку плечом к уху (хотя косметологи не рекомендуют так делать – шея страдает). – Как к тебе попала копия уголовного дела, и почему оно такое... растрепанное? Неполное?

– Нет проблем, – почему-то грустно сказала Света. Ей, видимо, было неудобно, что она разоткровенничалась. – Сейчас, выключу чайник, подожди, пожалуйста.

Чайник громко свистел в глубине не видимой мне Светиной квартиры. Я представила себе чистый линолеум, аккуратный шкафчик для посуды и окно первого этажа – с решетками и сеткой от комаров.

– Света, у тебя первый этаж и решетки на окнах? – спросила я.

– Да, а что, это видно по телефону?

Мне стало совсем плохо. Видимо, мутирую в экстрасенса. К счастью, Света не обратила на это особого внимания. Каждый любит рассказывать о себе, а не слушать про других!

– Туризмом я занимаюсь давно, еще со школы. Когда была классе в девятом, кто-то рассказал мне, как на Северном Урале погибла группа студентов. Это уже было что-то вроде легенды – как про демидовское золото. Меня эта легенда поразила! Знаешь, попадают такие истории в жизни, которые невозможно забыть, пока не передумаешь всё до конца, не представишь всё до мелочей...

И я начала потихоньку копать – выяснять подробности у людей, близких к туризму. Тогда, конечно, многие боялись говорить правду: время было не фонтан для таких вот откровений. Но в 1989 году дорогу в областной архив мне все-таки указали. Там я встретила человека, который мне здорово помог. Я сняла фотокопии с уголовного дела, потому что его могли уничтожить в любой момент за сроком давности. Прочитала дело от корки до корки. Естественно, заметила, что многого в нем не хватает... ты права, оно такое... почищенное. Скорее всего, разгадка кроется именно в этих отсутствующих страницах. Но, поскольку их не было, я стала рыть в других местах. Находила поисковиков – одного за другим, встречалась с родственниками дятловцев, со всеми, кто имел

хотя бы косвенное отношение к этому делу.

– Родственники? – подозрительно спросила я. – Насколько я знаю, ни у кого из них не было семьи, а родители их уже, наверное...

– У Золотарева могла быть жена, и вроде бы даже была. Но про него наверняка ничего не известно. Он ведь старше их всех – на момент похода ему исполнилось тридцать семь. Многие потом удивлялись – с чего вдруг его понесло в поход с молодежью? И еще говорили, что Колеватов был против того, чтобы Золотарев шел в поход. Не исключено, правда, что это всего лишь досужие домыслы. Ты обязательно столкнешься с художественным враньем, которым это дело окружено со всех сторон. Постарайся верить только фактам.

А что касается родственников, то у многих дятловцев были (и есть) братья и сестры. Семьи ведь тогда были многодетными. У Игоря Дятлова – две сестры, Руфина и Татьяна, и брат Слава, у Люд Дубининой – брат Игорь. Если это нужно, мы с тобой можем потом к ним съездить, пообщаться.

– Конечно, нужно! Свет, а что было дальше? Собрала ты эти материалы, а потом?

Света вздохнула.

– Мы ходили на ту самую гору. 2 февраля 1989 года, тридцать лет спустя. Я видела сам перевал и мемориальную доску, которая там установлена. Потом интерес к теме начали проявлять журналисты – пошли статьи на разворот с фотографиями и самыми разными версиями, вплоть до того, что

дятловцы случайно напоролись на сокровища древних ариев... И тому подобный бред.

С каждым днем появляется всё больше и больше экспертов по дятловскому делу. Надувают щеки, рассуждают, как всё было. Мне же, напротив, с каждым днем всё меньше и меньше хотелось об этом говорить, потому что ничего не изменилось... По сей день ничего не известно.

Поэтому я так обрадовалась, когда встретила тебя. Знаешь, меня нисколько не пугают все эти мистические штуки, но даже если ты их и выдумала для красного словца – всё равно пиши, может, будет толк.

– Ничего я не выдумывала. А писать... – Я хотела рассказать Свете про новые «мистические штуки» моего компьютера, но вовремя остановилась. – Надо пока еще не писать, а читать. Я читаю.

Света так обрадовалась, что у нее даже в голосе прозвучала улыбка:

– Не буду мешать!

10.

– Шумахер, если бы ты еще и посуду мыл, тебе цены бы не было! – в сердцах сказала я котишке, который отчаянно суетился у холодильника. Сама вымыла посуду, накормила Шуми и сварила себе кофе.

ПРОТОКОЛ

осмотра вещей,

обнаруженных

на месте происшествия.

г. Ивдель, 5–6–7 марта 1959 года.

Прокурор-криминалист прокуратуры Свердловской области, мл. советник юстиции Иванов в соответствии со ст. 78 УПК РСФСР составил настоящий протокол в том, что в присутствии зав. кафедрой физической

подготовки УПИ Вишневого и корр. газеты «На смену!» Ярового Ю.

(Стоп! Эта фамилия мне уже встречалась. Автор книги «Высшей категории трудности» – Яровой. Неужели он принимал участие в поисках? Интересно, как ему это удалось? Насколько я могу себе представить, всё было засекречено – если не сами поиски, то последующие осмотры и экспертизы...)

предъявил Юдину Юрию Ефимовичу – студенту 4 курса УПИ (г. Свердловск, 8 студенческий корпус, к. 531) вещи, обнаруженные в районе палатки туристов группы Дятлова, в районе костра у трупов Кривонищенко и Дорошенко, а также одежду, имеющуюся на обнаруженных трупах.

Юдину Ю.Е. было предложено, исходя из личных впечатлений, записей в дневниках участников похода, а также путем осмотра всех вещей распределить принадлежность вещей тому или иному участнику похода.

В результате осмотра вещей Юдин Ю.Е. заявил, что, по его мнению, вещи принадлежат следующим лицам:

(до настоящего осмотра поисковой партией вещи были хаотически разложены по рюкзакам)

Предположительно Колмогоровой Зинаиде принадлежат:

а) рюкзак черный, старый, починен по боковому карману. В нем зубная щетка, заворачивающаяся внутрь, бинт, письмо из г. Березники на имя

З.Колмогоровой, кусочек мыла, завязанный в тряпку, новая коробка спичек, черный электрический фонарик, катушка черных ниток, светлая мыльница с кусочком туалетного мыла, две баночки из-под сухого молока с набором медикаментов, мешочек-аптечка (бинты, вата, йод), фотопленка, железная баночка из-под зубного порошка, а в ней набор медикаментов. Юдин заявил, что, уходя от группы со 2-го Северного участка, он передал все эти медикаменты З.Колмогоровой.

З.Колмогоровой также принадлежат: носки вигоневые цветом почти черные...

Слово *вигоневые* вдруг отозвалось во мне со всей силы. Такое устаревшее милое слово... Обозначает, если я не ошибаюсь, «из хлопка пополам с грубой шерстью» или «смесовые».

...плащ-палатка, варежки шерстяные голубые с коричневым рисунком... синие рукавицы типа «краги», тапочки суконные домашние новые, на подошве снаружи рисунок в елочку.

Список принадлежавших Зине вещей был длинным, подробным и беззащитным, как всегда бывает, если личное выставляют на всеобщее обозрение.

Я могла себе представить криминалиста Иванова, показывающего Юдину одну вещичку за другой, но не могла представить, что чувствовал при этом Юдин.

Телогрейка дамская с искусственным темно-коричневым воротником... куртка-штормовка

защитного цвета. В карманах штормовки обнаружено: пропуск с фотокарточкой на имя Колмогоровой, 5 руб. денег (рублями).

Особенно внимательно я прочитала список одежды, в которой нашли Зину. Девушка была одета достаточно тепло.

...на трупе З.Колмогоровой было одето: синий свитер, под ним вязаная кофточка с поперечными синими полосками, ковбойка, синяя майка с рукавами... брюки лыжные, брюки синие тренировочные... Носки шерстяные коричневые с меховыми стельками, носки хлопчатобумажные. На голове шапочка красная шерстяная, под ней шапочка синяя шерстяная.

Вот и всё. Кучка вещей, которые не умеют говорить. А то бы рассказали.

Жаль, что не могут говорить палатки, березы, сугробы...

Предположительно И.Дятлову принадлежат:

а) меховой жилет (без покрытия тканью), куртка меховая с замками «молния». Рюкзак старый, защитного цвета, рукавицы грубого сукна, маска...

Маска, наверное, защитная – от снега и мороза. Вид она, судя по фотографиям, имеет жуткий. Человек в ней становится похож на агрессивного инопланетянина...

...носки красные, запасные крепления, чехлы на ботинки теплые, шапка лыжная, шерстяная, синяя с

белыми цветами, рукавицы кожаные черные, одеяло темно-красное, брюки штормовые защитного цвета и штормовка светлая.

В карманах штормовки и штормовых брюк Дятлова И. обнаружено: очки в роговой оправе, в футляре серого цвета, записная книжка на имя Дятлова с фотокарточкой З.Колмогоровой, нож перочинный с карабином на веревочке, дольки чеснока, компас, маска, веревочки, проволока, резинка к лыжам.

Минуточку! Фотография Зины? Может, у них был роман? Или это мое нетерпеливое воображение? Но фотография, в записной книжке... Правда, Игорь мог попросить Зинину карточку для оформления каких-нибудь документов. Надо взять на заметку.

...На трупе Дятлова И. была обнаружена одежда, перечисленная в акте вскрытия трупа: жилет меховой, обшитый синим сатином. Ю.Юдин заявил, что этот жилет принадлежит ему и 28/І-59 г. передан им С.Колеватову.

Почему же он на Дятлове оказался?

Ботинки теплые, обнаружены в лабазе.

На трупе Дятлова также было: свитер синий полушерстяной, рубашка ковбойка, майка синяя трикотажная, брюки лыжные коричневые, брюки тренировочные темно-зеленые... носок шерстяной белый, рваный, два хлопчатобумажных носка, упаковка стрептоцида.

То есть Дятлов был без обуви. На морозе. При этом – одет сравнительно тепло.

Криминалист продолжал свою работу.

Предположительно Л.Дубининой принадлежат:

а) рюкзак черный, старый, очки сломанные в футляре, зубная щетка в футляре, мыльница с мылом, зубная паста. Одежда темно-синее, штормовка светлая, майка синяя, лыжные брюки черные, подшлемник белый, ботинки лыжные, кофточка шерстяная и носки шерстяные белые, валенки черные. Ковбойка в мелкую клетку, маска, носки коричневые и носки серые шерстяные. Ю.Юдин заявил, что носки он отдавал Л.Дубининой.

В карманах штормовки обнаружено: бумажная веревочка, заплатка из плащ-палатки, английская булавка, немного пудры и лук. Над карманом штормовки значок туриста. Левый рукав штормовки вывернут вовнутрь.

В карманах лыжных брюк обнаружено: эластичный бинт, начало письма <...> Вале <...> расческа большая, 2 карандаша, скрепка для волос и деньги 35 рублей.

Скрепка для волос... Как странно звучит – теперь никто бы так уже не сказал. Это из той же породы, что вигоневые носки, – забытые слова.

Шапочка синяя лыжная, мешочек х/бумажный. Дамские носовые платки – два белых с коричневой каймой и один в клетку.

Скрупулезно и тщательно был составлен этот протокол. Чем дальше я читала, тем страшнее мне становилось. Я четко видела перед собой груды не новых, не очень чистых предметов, оказавшихся в комнате ивдельской прокуратуры.

Вещи, которые предлагалось опознать Юдину, были очень похожи между собой. Обычная для тех лет туристическая экипировка. Ну как, например, можно отличить одну пару шерстяных носков от другой? Юдин же, судя по записи, неплохо справился с заданием.

Предположительно Н.Тибо-Бриньоль принадлежат следующие вещи:

а) рюкзак, баночка из-под чая с фотопленкой, одеяло грубошерстяное темно-синее, шляпа старая... спички в клеенке, ковбойка в клетку (обнаружена у костра – один рукав ее вывернут), штормовка, ботинки.

В карманах штормовки и брюк: носовой платок, бинт, коробок спичек, карманный фонарик, нож перочинный и нож финского типа, компас, булавка, запасные ремни для лыж, 1 рубль денег, телогрейка черная, застегивается на левую сторону, валенки черные, подшитые.

Предположительно Слободину Р. принадлежит рюкзак новый, защитного цвета, к нему привязана игрушка – резиновый медвежонок, полотенце, бинокль, одеяло красное, штормовка светлая, штормовые брюки, телогрейка черная, прожженная, подшлемник, один валенок... плоскогубцы, проволока. Игрушка

ежик, карандаш, коробка с шурупами, 2 катушки ниток, леска, записная книжка-блокнот. Фотоаппарат «Зоркий», номер неизвестен, ботинки лыжные, маска.

Вещи Рустема, или, как его называли свои, Рустика – немного повеселее, чем у друзей. Где-то мне попадалось, что он играл на мандолине – модном по тем временам инструменте.

На трупe Слободина Р. одето: свитер черный, хлопчатобумажный, под ним ковбойка. Между свитером и ковбойкой лежат 2 войлочные стельки, в кармане ковбойки авторучка, паспорт на имя Слободина, деньги 310 рублей (100, 50×4 и 10 руб.), под ковбойкой серая трикотажная с начесом рубашка, а под ней майка.

Брюки лыжные... в карманах перочинный нож, расческа и карандаш.

На правой ноге валенок и 4 пары носок, на левой ноге носки, а валенок отсутствует. В штормовке Слободина 3 экз. письма в отношении Биенко, а в кармане лыжных брюк письмо профкома.

То есть получается, что... Рустем, Игорь и Зина были найдены в снегу, между кедром, где лежали Кривонищенко и Дорошенко, и палаткой. Насколько я помнила, хуже всех были одеты двое у кедра, то есть на них была только самая легкая амуниция. Достаточно тепло – те, кого нашли в ручье, но лучше всех защищены от мороза оказались Дятлов, Слободин и Зиночка.

Бесстрастный почерк Иванова вел меня дальше:

Дорошенко предположительно принадлежат следующие вещи: рюкзак черный, одеяло бордовое, телогрейка синяя, брюки трикотажные тренировочные, ботинки, шарф в клетку, вигоневый, шапка-ушанка, штормовка светлая, а в карманах ее две записные книжки и 20 руб. денег (10×2).

На трупе Дорошенко было одето: ковбойка в крупную клетку, кальсоны теплые, майка салатного цвета... На ногах три целых х/б носка, три рваных носка и пара шерстяных носок со следами прожога.

Опознаны как вещи Золотарева:

а) одеяло зеленое в полоску, штормовка светлая, шарфик белый, шерстяной, ботинки, починены проволокой, берет черный, шапочка лыжная, бутылочка с витаминами... фотопленки 1 штука. В рюкзаке Золотарева тетради, журнал «Крокодил», лавровый лист, перец. Телогрейка черная, фотоаппарат с видоискателем и доп. объективом.

Тела Золотарева, Тибо, Людэ Дубининой и Саше Колеватова в момент составления этого протокола еще не были обнаружены. Только их вещи, одежда и рюкзаки. У родных всё еще оставалась надежда...

Колеватову предположительно принадлежит: рюкзак черный, одеяло из солдатского сукна, штормовка и брюки, жилет меховой, ботинки лыжные,

подшлемник... обломок расчески, пачка сигарет «Ароматные», фляжка алюминиевая.

Я представила себе алюминиевую фляжку. У моего отца была такая. Интересно, в какой одежде нашли тела последних четверых? Протокол давал ссылку на акты вскрытия, они лежали в отдельной папке.

Кривонищенко предположительно принадлежат вещи: рюкзак, одеяло темно-зеленое, телогрейка синяя, прожженная, штормовка и брюки штормовые, мандолина в чехле...

Вот так раз! А играл-то на мандолине Рустик!

...меховые чулки, подшлемник и рукавицы из декоративной ткани, ботинки лыжные, валенки, фляжка алюминиевая.

В кармане штормовки расческа, компас и маленькие ножницы. На штормовке 2 знака: 2 спорт. разряд и «турист», струна «ре» для мандолины, игрушка «мишка».

На трупе Кривонищенко было одето: рубашка ковбойка, рубашка нательная, остатки кальсон, плавки, один носок.

Маловато одежды для февраля на Северном Урале. В протоколе оставалась последняя страничка.

Кроме того, часть вещей осталась неопознанной, как-то:

чехлы на ботинки (все прорваны – 9 пар)

носки х/бумажные целые и рваные – 25 шт.

носки шерстяные и вигоневые, целые и рваные – 21 шт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.